

УДК 141

«УБЕЖДЕНИЕ» И СПОР В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

С.Е. Крючкова

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Выявляются различия между такими интеллектуальными процедурами, как убеждение и спор. Анализируется аргументативная практика и теория в различных философских школах Древнего Китая, особенно в моизме.

***Ключевые слова:** аргументация, убеждение, теория рассуждения и спора.*

Аргументация, имеющая целью убеждение кого-либо путем обоснования истинности (справедливости, приемлемости) определенной точки зрения, сегодня является предметом изучения целого ряда дисциплин, каждая из которых ограничивается, как правило, лишь одним из аспектов аргументативного дискурса – логическим, риторическим, когнитивным, коммуникативным, психологическим, языковым или же прагматическим. Неготовность исследовать феномен убеждения в единстве всех его составляющих является одной из причин того, что при наличии множества подходов к построению теории аргументации (неформальная логика, прагматическая диалектика, формальная диалектика и др.) ни один из них не стал основой для построения всеобъемлющей теории, способной органично соединить обоснование и убеждение, неразрывно бытийствующие в аргументативном дискурсе.

Данная ситуация в условиях постоянного возрастания значения коммуникации актуализирует новые исследования, включающие в том числе и обращение к историческим корням – аргументативному наследию древних мыслителей, рассматривавших процесс убеждения как раз в единстве всех его составляющих [6]. Однако если античный агональный аргументативный дискурс является предметом теоретической рефлексии достаточно давно, то специфика способов обоснования в интеллектуальной культуре Древнего Востока, особенно Китая, до сих пор остается малоизученной.

На это есть масса причин, среди которых на первом месте стоит своеобразие и необычность для европейцев китайского стиля мышления. В свое время это породило ряд европоцентристских стереотипов, одним из которых был тезис об отсутствии в Древнем Китае логики [14; 15]. Причину этого чаще всего усматривали в иероглифичности китайского письма, якобы менее приспособленного для разработки абстрактных категорий, чем язык алфавитного типа, состоящий из незначительных букв, образующих знаменательные слова. «Алфавитность как продукт “левополушарной психики”, – подчеркивает в этой связи А.И. Кобзев, – аналитична и логизирована ...напротив, иероглифичность как продукт “правополушарной психики” синтетична и образна (гештальтна)» [3, с. 222]. Действительно, языковой барьер, а также суггестивный характер китайских философских книг, широко использующих в качестве аргументов афоризмы, примеры, намеки, метафоры, весьма серьезно ослож-

няют понимание смысла высказываний китайских философов, так как «читая их в переводе, теряешь саму суггестивность, а значит – очень многое» [10, с. 35].

Однако, несмотря на эти обстоятельства, противопоставление китайского стиля мышления как коррелятивного и ассоциативного, западноевропейской аналитичности сегодня в условиях перемен в понимании критериев и границ логического, а также форм и способов аргументации начинает преодолевать. Исследователи «заново» ставят вопрос о существовании логики в Древнем Китае [5, с. 111]. При этом речь идет не о проецировании на китайский менталитет европейской ментальности, как это было ранее, а о выявлении общих мыслительных ходов и интуиций в аргументативных дискурсах греческой и китайской интеллектуальной культуры в древнюю эпоху, таких, например, как «визуально-пространственное конструирование, заданные алгоритмически классификационные схемы, выделение минимальных образцов, эвристическая роль начала-зерна в смыслопорождении, самоподобные структуры... в результате чего китайское алгоритмическое мышление предстает в новом свете» [2, с. 128].

Хотя аргументативная проблематика, так же, как и логическая, не специфицировалась в Древнем Китае в качестве отдельной дисциплины, она тем не менее достаточно широко была представлена в интеллектуальной культуре того времени в силу «практических требований риторики (способов ведения спора) и познавательного аспекта дискуссии» [13, с. 178]. Не случайно древнекитайские философские тексты часто расценивают именно как памятники ораторского искусства.

В период расцвета древнекитайской культуры (Чжаньго, V–III вв. до н.э.) она была заполнена «ритуальной этикой и социальным церемониалом, культом предков и всеобщим устремлением к упорядочению норм повседневной жизни, к Порядку и Гармонии» [1, с. 623]. Вместе с тем институт диспута имел достаточно широкое распространение в этот наполненный великими общественными и политическими потрясениями период, когда шли постоянные споры между наиболее известными философскими течениями, такими, как конфуцианство, моизм, даосизм, школа «имен» и школа «законников». Не случайно это время называют «Эпохой соперничества Ста школ». Полемика между ними (особенно между двумя полюсами китайской мысли – даосизмом и конфуцианством) была достаточно острой, хотя и менее принципиальной, чем между школами в Древней Индии, что объяснялось различиями в метафизических установках, а также специфическим пониманием философии, которая была для древних китайцев не просто тем, что «следует познать», а тем, что «следует пережить» [10, с. 30]. Интеллектуальная конкуренция между школами дала мощный толчок развитию института диспута в Древнем Китае, стимулировала теоретическую рефлексию над аргументативным дискурсом и способствовала систематизации технических приемов ведения публичных споров.

Институционализации спора в Древнем Китае предшествовала широко распространенная в период Чюнь Цю практика «убеждения». Феномен «убеждения» (*шуй*) – это специфическая для Древнего Китая прикладная область духовной жизни, произраставшая из «эстафетного понимания традиции как непрерывного воспроизведения потомками некоторого исходного примера,

возводимого к родоначальнику, что только и могло гарантировать нерушимость исторического преемства» [5, с. 118]. «Убеждение» имело вид поучения, назидания, призыва «следовать образцу», с которыми советники обращались к правителям. И хотя прагматическая польза от «убеждений» была невелика, однако сам факт произнесения таких речей способствовал появлению теоретической рефлексии над аргументативным дискурсом, так как «память о подобных весьма смелых для своего времени акциях долго сохранялась и, главное, превращалась в традицию, обретая при этом некую нормативность» [1, с. 598].

Значимость речей – «убеждений» – состояла и в том, что они содержали первые образцы правильного употребления слов, фиксировали отношение между именем и именуемым, закладывая тем самым фундамент для развития логико-аргументативных представлений. Со временем профессиональные «мастера убеждать», критикуя чьи-то недостатки, стали использовать форму так называемого «удвоенного убеждения», содержащую не только доказательство точки зрения произносившего речь, но и опровержение возможной противоположной позиции. Этот вид так называемого «*вымышленного спора*» во многом напоминал «*двойные речи*» софиста Горгия из Леонтин. Вымышленная полемика с гипотетическим противником придавала «убеждениям» форму «непрямой аргументации», напоминающую подлинный спор с реальным оппонентом, что позволило некоторым исследователям интерпретировать их как разновидность спора, несмотря на то, что в данном случае аргументативный дискурс был представлен в виде монолога, а не диалога.

Отождествление феномена «убеждения» со спором, как показал Ю.Л. Кроль, неправомерно, так как между этими процессами есть ряд принципиальных отличий, как в отношении цели и субъектов, так и в самой процедуре. «Убеждение» и спор противоположны по многим параметрам: и по количеству активных сторон, и по уровню диалогизации и степени демократичности, а также по наличию или, что было чаще, отсутствию аудитории. Они также отличались по степени проявленности точек зрения и по характеру отношений между позициями участников, что могло вести как к согласию, так и противодействию. Различны были и ожидаемые результаты: «Для успеха в споре было необязательно переубедить противника, а достаточно отстоять свою позицию и сделать оппонента бессильным что-либо возразить, “победить его уста”, поэтому спор тяготел к логическим средствам, хотя и не исключал других; для успеха убеждения в случае противодействия со стороны убеждаемого было обязательно склонить его к принятию точки зрения убеждающего и к определенному поведению, “покорить его сердце”, поэтому убеждение тяготело к психологическим средствам, хотя и не исключало логических», «убеждение гораздо больше соотносилось с социальным статусом сторон и в этом смысле было “иерархично”... это создавало “трудность убеждать”, состоявшую в “знании сердца убеждаемого” и в выборе подходящего способа убеждения (трактат Хань Фэй цзы)» [4, с. 31].

Накопленный в практике «убеждений» теоретический багаж явился предметом специального изучения в известном месте споров – академии Цзыся, находившейся в Линьцзы, где собирались представители разных школ, а также в других учебных заведениях, таких, например, как школа ораторского мастерства *цзун хэ*, аргументативное наследие которой остается еще малоизученным. Ее представители – *бянь ши* («странствующие мастера убеждать») –

развивали традиции дипломатического красноречия, среди которых преобладали приемы непрямого убеждения, такие, например, как намеки, позволяющие иносказательно увещевать; косвенная критика, которой славились так называемые «скользкие говоруны» (*гу цзы*); метод «обсуждения достоинств и недостатков» (*чан дуань*); способ «удвоенного убеждения», а также метод, возникший на основе «мышления родами» и позволяющий не только «соединять и составлять вещи» (*лянь лэй*), но и выстраивать целые ряды исторических примеров [4, с. 28]. Этот прием станет основой умозаключения по аналогии, которое приобретет в будущем значение топоса в древнекитайском споре.

Формы аргументации со временем усложнялись: на смену «убеждениям» пришел спор в подлинном смысле этого слова, представляющий собой полемическое столкновение позиций. Начинается и теоретическая рефлексия над феноменом спора. Примером может служить деятельность искусного спорщика Мэн-цзы, который на основе личного опыта поучения нерадивых правителей написал трактат, посвященный настоящему спору, где рассмотрел, в частности, разновидности опровержения аргументов противника в ходе полемики, а также дал первое развернутое понимание рассудительности (*чжи*) как критерия оценки речей и способности правильно давать «имена».

В период Чжаньго происходит не только институализация спора, но и возникает своеобразный «спор о споре» как средстве обоснования правильности концепций, содержащих различные рецепты по «спасению» Поднебесной. Предметом обсуждения выступал широкий круг вопросов, касающихся в первую очередь социальных и моральных отношений: правильность курса государственного управления, его способы и рычаги («ритуал» или «закон»), основы «идеального государства» («гармония» или «единство»), а также человеческая «природа» и правильные принципы моральной личности [5, с. 39].

В этот период уже четко обособляются такие виды спора, как *политический, судебный и философский*. Первый имел наиболее широкую сферу распространения, одной из его специфических форм являлись так называемые «конференции», которые велись преимущественно по конкретным вопросам. На одной из них (81 г. до н.э.) произошла известная историческая дискуссия между конфуцианцами и легистами, описанная в ряде трактатов под названием «Спор о соли и железе». Ее предметом был вопрос о казенных монополиях, против которых выступали конфуцианцы, призывавшие вернуть производство соли и железа простому народу. Конфуцианец Дун Чжун-шу в ходе аргументации своей позиции использовал *метод ассоциаций*, ставший «визитной карточкой» китайской традиции спора. Казенные монополии на соль и железо ассоциировались у него с «путем Цинь» и противопоставлялись идеальному «пути совершенномудрых» – «божественных властителей» древности, которым удалось воплотить идеальный государственный строй, основанный на «добродетели», полученной от Неба. Упразднение казенных монополий должно было сопровождаться экономическим выравниванием имущества: ограничением земельной частной собственности, созданием препятствий к чрезмерному обогащению одних и обнищанию других [11, с. 12]. Основным аргумент выглядел так: необходимо, чтобы государь упразднил монополии, так как он не должен соревноваться с народом Поднебесной в погоне за выгодой, а обязан являть пример бережливости и умеренности, лишь тогда можно будет возродить наставление и духовное преображение народа. Эту позицию поддержал

и другой участвовавший в дискуссии конфуцианец, заявивший в качестве дополнительного довода, что «богатство не есть самоцель, а средство, с помощью которого средний (богатый) человек служит высоким целям – помогает родным, бедным, армии и вообще государству» [11, с. 10]. В попытке обосновать тезис о невмешательстве государства в экономику он использовал также типичный для того времени *аргумент к авторитету*: Небо, послав засуху, выразило неодобрение политике казенных монополий. Официальная сторона резко возражала, выдвинув *антитезис*, согласно которому учреждение монополий – важнейшее занятие главы государства и правящего дома, то основное, с помощью чего он подчиняет варваров из четырех стран света, дает безопасность жителям границ и обеспечивает средства казны для расходов, поэтому их нельзя упразднить [11, с. 17]. Показательно, что эти противоположные позиции опирались на один и тот же авторитетный источник («Гуньян жуань») [11, с. 10]. Истокование с помощью полемических ухищрений в необходимом ключе одного и того же *аргумента к авторитету* (им часто была ссылка на Небо) стимулировало развитие более изощренных приемов и способов аргументации.

Автор полемического трактата «Янь те лунь» Хуань Куань осуществил аналитическую реконструкцию этого реального политического спора и предложил свою версию его продолжения, которая претендовала, с одной стороны, на нормативную роль *образца* для конфуцианской философской школы, а с другой – служила *примером опровержения* позиций легистов и даосов.

В «Споре о соли и железе» ярко проявилась специфическая особенность китайской аргументативной техники – использование *ассоциативных ссылок на прецеденты*. Упоминание о том, что когда-то давно уже было что-то подобное, «рождало необходимые ассоциации, мгновенно становившиеся в центр дискуссии по очень актуальной проблеме... Ассоциации были неотъемлемой частью аргументативного дискурса, который нередко представлял собой цепь дедуктивно-дидактических рассуждений. Смысл подобного рода цепи в том, что ... она учила определенной последовательности и упорядоченности мышления» [1, с. 615], закладывая тем самым теоретические основы логики и аргументативного дискурса. Ассоциативность мышления была проявлением практицизма китайской мысли, ее прагматической ориентации, которой наиболее адекватно соответствовала доктрина конфуцианства, содержащая наряду с *аргументами к авторитету* целую систему аргументативных топосов, в которой важнейшее место занимали *аргументы к традиции и к пользе*. Последние настолько соответствовали ментальности подданных Поднебесной с ее «приоритетом когнитивной эффективности над само собой разумеющейся формальной правильностью» [5, с. 111], что ни даосизм, ни пришедший из Индии буддизм не смогли составить серьезную конкуренцию конфуцианству.

Наряду с политическими широко были представлены *судебные споры* по поводу имущества, в которых искусство красноречия играло определяющую роль. Первенство в них чаще всего оказывалось за представителями школы «имен» (древнекитайских софистов), владевших умением убедительно говорить, не сообразуясь с «правотой» того, что они отстаивали. Успехами в таких тяжбах прославился профессиональный мастер публичного спора – Дэн Си, владевший искусством неправоту превращать в правоту, и наоборот. Он успешно практиковал прием *«последнего слова»*, который впоследствии при-

обретет статус еще одного топоса древнекитайского спора, а также особую стратегию аргументации: приведение множества доказательств истинности противоречащих суждений, в ходе которых он сформулировал ряд нормативно-логических требований.

На придворных «конференциях» велись не только политические, но и *философские споры*: легисты спорили с конфуцианцами, моисты – с представителями школы имен. Практиковались и внутришкольные споры, в которых оттачивались не только аргументы, но и выкристаллизовывалась нормативная база аргументативного дискурса. Самые известные из них велись в конфуцианстве во времена империи Хань при дворе монарха в 79 и 51 гг. до н.э. Постепенно среди участников таких дискуссий выделилась группа мыслителей-философов, занимавшихся (в том числе) и вопросами теории спора. Самыми крупными древнекитайскими мыслителями, которые в своих концепциях так или иначе затрагивали логическую и аргументативную проблематику, были Конфуций, Дэн Си, Хуэй Ши, Гунсунь Лун, Мо-цзы и Ханьфейцзы [8, с. 174].

Еще одна трудность исследования аргументативного наследия древних китайцев была связана с тем, что теоретические обобщения аргументативной практики содержались в трактатах, посвященных более важным проблемам политики и этики. Эта специфическая древнекитайская интуиция приоритета действия перед знанием проявлялась при постановке всех эпистемологических проблем, центральной из которых было отношение языка и реальности, имени и вещи, решение которой виделось преимущественно в прагматическом аспекте.

Идея «нормативирования» языка впервые в наиболее четкой постановке появилась в творчестве Конфуция, рецепция доктрины которого являлась теоретическим источником для многих философских школ, так или иначе интересовавшихся различием и связью между тем, что называли «именами» и «фактами». Основополагающий труд «Луньюй» («Суждения и беседы») содержал описание множества философских споров, которые вел Конфуций со своими учениками. В этой знаменитой работе, выразившей духовные чаяния своего беспокойного времени, помимо всего нашли отражение и некоторые проблемы аргументации, такие, как *приемы ведения диалога, метод вопросов и ответов*. Но главной теоретико-познавательной проблемой, поставленной Конфуцием, была *проблема имен*, в словоупотреблении которых было необходимо навести порядок (требования «общезначимости» и «упрощения»).

Конфуций полагал, что в каждом имени заключен смысл, составляющий сущность вещей, к которым это имя относится. Вещи должны согласовываться с идеальной сущностью, соответствовать придаваемым им именами смыслу. Поэтому для создания упорядоченного социума отношение между именем и реальностью должно соответствовать традициям семейно-клановой и государственной организации, а также идеалам Гармонии и Порядка. Исходя из чисто этического интереса, он выдвинул требование «выпрямления имен» (*чжэнь мин*), так как «имена» (речи) транслируют намерения, которые воплощаются в соответствующем поведении. Правильно используемые имена (речи) не должны приводить к моральным и социальным противоречиям, их цель – правильный поступок. Похожую задачу – убедить, чтобы заставить человека действовать в определенном направлении, – ставила античная риторика и теория аргументации. Однако если для западноевропейской традиции решение этой задачи достигалось путем обсуждения разумных доводов с целью достижения консенсуса или

хотя бы взаимопонимания (с целью разрешения тех же социальных конфликтов), то в конфуцианстве вопрос ставился иначе. С одной стороны, как правильно употреблять имена, чтобы они соответствовали объектам, «не вредили» им, а с другой – как приводить объекты в соответствии именам так, чтобы конституировать идеальный государственный порядок, при котором «Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном» [7, с. 160], т. е. вести себя сообразно своему социальному статусу.

В истории китайской философской мысли существовало две противоположных позиции, напоминающие античное идейное противостояние Гераклита и Парменида. Однако в отличие от последних это было противостояние внутри одной школы – школы «имен» (*минцзя*). Относительность и изменчивость реальных вещей подчеркивал Хуэй Ши, а его главным оппонентом был представитель той же традиции Гунсунь Лун, утверждавший, что если реальность, например, «красивая вещь», относительна и изменяема, то «красота», как абстрактная категория, имя абсолютно красивого – постоянно, неизменно и всегда остается таким, какое есть. В этом своем рассуждении Гунсунь Лун очень близок к теории платоновских идей и западноевропейской философской концепции универсалий, так как в китайском языке «общие и абстрактные понятия по внешнему виду не различаются, поэтому то, что европейцы называли бы общим понятием, в китайском языке может обозначать и универсалию» [10, с. 113].

Однако несмотря на столь существенные различия метафизических позиций, идеи и метод аргументации Хуэй Ши и Гунсунь Луна были очень сходны и достаточно типичны для целого ряда китайских мыслителей, особенно тех, кого занимали *парадоксы*, которые поразительным образом перекликаются с греческими: «Летящая стрела временами не находится ни в движении ни в покое», «Если каждый день отнимать половину от палки длиной в одно *чи*, то этот процесс нельзя закончить и через 10 тысяч поколений» и др. Их широкое применение в спорах послужило причиной того, что представителей школы «имен» в древности называли «*бянь-чжи*» – спорщики, ораторы, которые «всегда были готовы дискутировать с другими и намеренно утверждать то, что другие отрицали, и отрицать то, что другие утверждали» [10, с. 103].

Одна из проблем теории аргументации – ее зависимость от ее языковой формы – уже достаточно четко была поставлена в трактате школы «имен» «Гунсунь Лун-цзы». Полемика вокруг знаменитого вывода Гунсунь Луна: «Белая лошадь – не есть лошадь» – свидетельствует о том, что своим логическим анализом «имен» он способствовал утверждению логико-семантического подхода к доциньскому эристическому материалу. Вместе с тем она выявила «гипертрофирование принципа решения всех проблем с помощью языка и спора», а также «подорвала саму идею их действенности», на которую обращали внимание уже Лао-цзы и Чжуан-цзы, сделавший крайне релятивистский вывод о бесцельности любой дискуссии [9, с. 164–165].

В отличие от Гунсунь Луна большинство других представителей школы «имен», которых исследователи за их манеру аргументации справедливо называют «софистами», не были настроены на строгий анализ употребления имен и в ходе споров со своими оппонентами часто допускали игру словами, искажение «имени именем» или «именем действительности», исходя из «допустимости» выводов, а не их «соответствия действительности». Не случайно

излюбленным аргументативным приемом представителей *минцзя* была *подмена понятий*, лежащая в основе целого ряда софизмов, прославивших эту школу (парадоксы Хуэй Ши). Негативная реакция современников на использование подобных уловок выразилась в появлении «Программы спора» (создатель – Цзой Янь), содержавшей систему общих принципов ведения спора и, по сути дела, явившейся прообразом теории аргументации.

Особую роль в теоретическом осмыслении аргументативного наследия предшественников сыграли моисты (основатель школы Мо-цзы), которые оказались «уникальны в истории китайской философии своими попытками дать систематические определения знания» [12, с. 88] и которые были «фактически первыми, кто стал искать *фа*-образцы/ законы аргументации» [9, с. 182].

Особенно продуктивны в этом отношении были поздние моисты, которые в большей степени, чем представители других школ, «пытались создать чистую систему эпистемологии и логики» [10, с. 152]. У поздних моистов на первое место выходят логическая аргументированность и доказательство пользы «всеобщей любви и взаимной выгоды», в результате чего теория аргументации предстает как прикладная логика. Так, в работе «Мо-цзы» для доказательства желательности принципа всеобщей любви он подвергается «проверке правильности», которая включает три способа: во-первых, выявление его *основы* (воля Неба и духов и деяния «совершенномудрых»), во-вторых, его *подтверждение* («слухом и зрением простого народа») и наконец, самый главный (утилитаристский) аргумент – *применимость* в управлении («цель которого – благо для государства и народа»).

Вопросы аргументации рассматривались моистами не только в контексте теории имен и теории высказываний (как у предшественников), но и отдельно – в особой *теории рассуждения (шо)* и *спора (бянь)*. Термин «шо» использовался для обозначения процедуры рассуждения, в ходе которой осуществляется выдвижение и аргументация какого-либо тезиса и/или прояснение аргументов. Аргументы рассматривались ими как необходимое условие для разъяснения высказываний, входивших в само рассуждение. Что же касается процедуры обоснования утверждений, являющейся, как известно, центральной в аргументативном дискурсе, то этот вопрос исследовался моистами достаточно подробно. Они подвергли специальному рассмотрению структуру обоснования, выделив три элемента, его составляющие: аргумент (*зу*), довод (*ли*) и примеры (*лэй*). Их совокупность составляла логическую форму «обоснования», известную среди моистов под названием *сань у лунь ши* – «форма трехступенчатого обоснования», или *саньву* – «три основы». Эти элементы фактически являлись требованиями, несоблюдение которых вело к ошибкам, часто встречающимся в публичных спорах.

Ошибки в споре моисты разделяли на пять групп: 1) ошибки, свойственные нашим органам чувств при восприятии вещей; 2) ограниченность познания человека в каждый конкретный момент времени; 3) неправильное использование «имен»; 4) нарушение правил рассуждения; 5) отсутствие представления о границах собственного незнания/знания о предмете. Последнее особенно важно в споре, так как позволяет правильно ставить вопросы и давать релевантные ответы. Таким образом, вопросно-ответные процедуры, которые входят в предметное поле теории аргументации, так же, как и методы рассуждения, правила их ведения и роль дискуссии в достижении истины, бы-

ли ясно и достаточно четко представлены в системе теоретических представлений поздних моистов, аргументативные идеи которых носили ярко выраженный логико-семантический характер.

Что же касается используемых в аргументации видов умозаключений, то главным среди них была *аналогия*, расцениваемая моистами в качестве наиболее эффективного средства ведения споров. Подтверждением этому являлась широко распространенная среди китайских мыслителей практика использования *примеров*, которые подбирались весьма искусно и придавали высокую степень убедительности их аргументации.

Исследование поздними моистами аргументативного потенциала умозаключений по аналогии, по мнению ряда исследователей, подготовило почву для перехода к индукции и дедукции. Так, в моистских канонах для различения правильного и неправильного часто используются два метода – *метод подражания* (дедуктивное обоснование, в ходе которого происходит «использование суждений для разъяснения причин» из предыдущего пассажа) и *метод распространения* («присвоение и отдача в соответствии с типами»), которые «отчасти соответствуют дедуктивному и индуктивному типу методам западной логики» [10, с. 145]. В этой связи современные синологи подчеркивают стратегическую привлекательность для древних китайцев дедуктивного рассуждения, понимаемого как «рациональное обоснование безошибочного прогноза относительно исхода той или иной антагонистической игры» [5, с. 111], и даже полагают, что данная школа вплотную подошла к созданию основ собственно формальной логики.

Однако эта линия рефлексивного научного теоретизирования вскоре была вытеснена конфуцианством, занявшим в период Хань господствующее место в идеологии, ориентированной на унификацию и видевшей в критическом стиле мышления угрозу своему единству. Не случайно философские споры под страхом смерти запрещались, книги сжигались, а идеи Мо-цзы и его последователей на долгие столетия были практически забыты. Только в Новое время идеи моистов будут оценены по достоинству.

Список литературы

1. Васильев Л.С. Древний Китай: в 3 т. М.: Восточная литература, 2006. Т. 3. 679 с.
2. Герасимова И.А. Конструктивизм как логический стиль и проблема китайской логики // Философ. журн. 2016. Т.9, № 4. С. 128–146.
3. Кобзев А.И. Китайская культура и атомизм // Философия и наука в культурах Востока и Запада. М.: Восточная литература, 2013. С. 211–223.
4. Кроль Ю.Л. Спор как явление культуры Древнего Китая // Народы Азии и Африки. 1987. № 2. С. 24–34.
5. Крушинский А.А. Логика Древнего Китая // Философ. журн. 2016. Т. 9, № 4. С. 111–127.
6. Крючкова С.Е. Искусство аргументации в Древнем мире. М.: Янус-К, 2016. 140 с.
7. Лунь Юй // Древнекитайская философия: собр. текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 139–174.

8. Пань Шимо. Логика Древнего Китая // Философ. науки. 1991. № 11. С. 174–178.
9. Рыков С.Ю. Древнекитайская философия. М.: ИФ РАН, 2012. 312 с.
10. Фэн Ю-Лань. Краткая история китайской философии. СПб.: Евразия, 2017. 376 с.
11. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). М.: Восточная литература, 2001. 407 с.
12. Чакраварти Рам-Прасад. Алетическое (истинностное) знание: основные черты классической индийской эпистемологии и несколько компаративных замечаний о китайской традиции // Сравнительная философия: знание и вера в контексте диалога культур. М.: Восточная литература, 2008. С.77–99.
13. Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988. 47 с.
14. Hansen Ch. Language and Logic in Ancient China. Ann Arbor, 1983. 207 p.
15. Graham A.C. Later Mohist Logic, Ethics and Science. Hong Kong: The Chinese University Press, 2003.

«PERSUASION» AND DEBATE IN ANCIENT CHINA

S.E. Kryuchkova

National research University – Higher school of Economics, Moscow

The article reveals the differences between such intellectual procedures as persuasion and dispute. The author analyzes argumentative practice and theory in various philosophical schools of Ancient China, especially in Moism.

Keywords: *argumentation, persuasion, theory of reasoning and dispute, types of errors.*

Об авторе:

КРЮЧКОВА Светлана Евгеньевна – доктор философских наук, профессор Школы философии факультета гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет – «Высшая школа экономики», г. Москва. E-mail: Skryuchkova@hse.ru

Author information:

KRYUCHKOVA Svetlana Evgenievna – PhD, Professor of the School of philosophy, Faculty of Humanities, National research University – Higher school of Economics. Moscow. E-mail: Skryuchkova@hse.ru